

Случайность и необходимость Октябрьской революции

© Мареев С. Н.

© Mareev S.

Случайность и необходимость Октябрьской революции

The eventuality and the necessity of the October revolution

Аннотация. В статье выявлена диалектика случайного и необходимого в движении от Февральской к Октябрьской революции 1917 г. Рассматривая Октябрьскую революцию в качестве одного из этапов революционных преобразований, автор показывает, как формировалась ее социальная база на фоне противостояния Временного правительства, Петроградского Совета и видных представителей генералитета. В противоположность современным либеральным мифам автор исходит из конкретно-исторического анализа фактов и свидетельств очевидцев и участников, в первую очередь А. Ф. Керенского и В. И. Ленина.

Annotation. The article is devoted to analyze the problem of eventuality and necessity of the October revolution, one of the most important events of the 20th century. The dialectics of the eventual and the necessary is revealed in the movement from the February revolution to the October revolution of 1917. The author shows how the social basis formed in the midst of the standoff of the provisional government, The Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies and the statelike representatives of the generalship. In contrast to the modern liberal myths the author relies on the concrete-historical analysis of the facts, eyewitnesses and participants' testimonies, most notably A. F. Kerensky and V. I. Lenin.

Ключевые слова. Октябрьская революция, необходимость, случайность, Временное правительство, Совет, Керенский, Ленин, Корнилов.

Key words. The October revolution, necessity, eventuality, the provisional government, the soviet, Kerensky, Lenin, Kornilov.

Разве может быть революция безнравственной.

А. И. Герцен

Почти сто лет прошло с Октября 1917 г., и семьдесят лет наша страна жила под знаком Октябрьской революции. Остался ровно год до того, как в России и далеко за ее пределами будут отмечать вековой юбилей этой величайшей социальной революции в мировой истории. Но уже сейчас писаки и говорящие телевизионные головы из либерального лагеря начали поливать грязью все, что связано с подлинной историей тех революционных лет. Считать Октябрьскую революцию случайностью — унижать свой народ.

МАРЕЕВ Сергей Николаевич — главный научный сотрудник Научного центра им. Р. А. Белоусова Московской международной высшей школы бизнеса «МИРБИС» (Институт), профессор, доктор философских наук.

Субъективные действия людей имеют объективную логику. Задача историка — проследить всю цепочку событий в их необходимых сцеплениях. Объективная логика революции 1917 г. рождалась из цепочки событий, неотделимых от желаний и действий и так называемых простых людей, и известных политиков.

С чего началась революция?

Сегодня «историки» позволяют себе говорить, что началом Февральской революции стала буза, затеянная в очередях за хлебом, повторяя оценку Александры Федоровны, которая писала мужу 25 февраля 1917 г.: «Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающи. Это — хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы дома» [3. С. 144].

Была бы погода похолоднее, считала императрица, и не было бы революции в России. Революции начинаются с чьей-то истерики, или сама истерика должна быть выражением объективного недовольства, а может, и отчаяния, которое способно перейти в глухой народный ропот, а затем в бунт. Возмущение в очередях потому и имело далеко идущие последствия, что у него была серьезная причина, о которой якобы не ведала царица.

Царице как будто невдомек, что этих «мальчишек» и «девчонок» возмущает не только отсутствие хлеба, но и то, что их отцы и братья гибнут и гниют в окопах за непонятные им цели. А ведь фактор войны был важнейшим в истории Великой революции. Не было бы Мировой войны, не было бы и Великой революции. Именно этот факт игнорируют те историки и не-историки, кто утверждает, что с подачи большевиков в 1917 г. была порушена такая замечательная жизнь.

А. Ф. Керенский впоследствии скажет, что если бы не было «Корниловского мятежа», то не было бы и «Октябрьского переворота». Но с большей уверенностью можно сказать, что не только Октября, но и Февраля не случилось бы, не будь Мировой войны, в которую Россию втянула царская камарилья. Россия к войне не была готова, о чем царя предупреждали. Не хватало современных видов вооружения. Транспорт не справлялся с военными перевозками. Лимит снарядов был по одному-два в день на одно орудие. И когда русской артиллерии было нечем отвечать немцам, солдат пытались заставить ходить в атаку под страхом смертной казни.

В итоге к началу 1917 г. усталость от войны, рост цен, спекуляция, очереди за хлебом в Москве и Петрограде сошлись воедино. После того как взбунтовались женщины, стоявшие в очередях, начали громить лавки и магазины. Существенным фактом для развития событий стало то, что 18 февраля рабочие Путиловского завода в Петрограде объявили забастовку. Администрация ответила массовым увольнением. Более 30 тыс. рабочих оказались без средств к существованию.

Начались массовые выступления в Москве. 23 февраля (8 марта) во главе демонстрации были женщины, которые требовали хлеба и возвращения мужчин с фронта. 25 февраля (10 марта) экономические забастовки переросли во всеобщую политическую стачку под лозунгами «Долой царизм!», «Долой самодержавие!», «Долой войну!». Начались столкновения рабочих с полицией и жандармерией. 25 февраля бастующих было уже более 300 тыс. Могла все это вызвать истерику недовольных обывателей?

Исход решила армия: все полки, расквартированные в Петрограде, перешли на сторону народа. 25 февраля Николай II из Ставки посылает командующему Петроградским военным округом приказ: «Завтра же прекратить в столице беспорядки!» Но это был уже глас вопиющего в пустыне: царя не захотел защищать никто, самодержавие было обречено. И во всем последующем раскладе сил, в том числе в период Гражданской войны, идейных монархистов почти не оказалось. 2 марта царь подписал акт об отречении от престола.

Так случился Февраль. И это была *народная* революция. Никто не может упрекать народ в том, что он не захотел жить по-старому. Революция в несколько дней смела царское самодержавие.

Двоевластие как предпосылка Октябрьской революции

По всем канонам политической науки в России должна была установиться республика. Но республиканская власть, которая пришла на смену царской власти, оказалась после Февраля очень необычной. Революционный народ, собравшийся у Таврического дворца, где проходили заседания Думы, узнал, что в стране образовались два органа власти: Временный комитет Государственной думы и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. И народ, что важно, с равным энтузиазмом приветствовал тот и другой.

1 марта 1917 г. между лидерами этих двух органов было достигнуто соглашение об образовании Временного правительства во главе с князем Г. Е. Львовым. Но это не могло ликвидировать двоевластия в стране. Временное правительство не могло ликвидировать Совет, потому что тот обладал реальной военной силой. Ведь в Совет входили солдатские комитеты, которым, по сути, подчинялись войска. И Совет при необходимости мог сразу же провозгласить себя единственной общенациональной властью.

Но лидеры Совета — умеренные социалисты, меньшевики и эсеры — считали, что революция должна завершить буржуазно-демократические преобразования, а это обычно делает *буржуазное* либеральное правительство. Убеждения лидеров Петроградского Совета были влиятельным субъективным фактором в той мере, в какой убеждение продуктивней настроения толпы. Лидеры Совета — «социалисты», по существу, уступали власть буржуазии. Но эта ситуация оказалась патовой, прежде всего потому, что двух основных задач буржуазно-демократических преобразований Временное правительство решить не смогло. Это были два

взаимосвязанных вопроса: о *земле* и о *мире*. Так двоевластие создавало предпосылки для Октябрьской революции.

Не решив вопросы о земле и о мире, буржуазная революция не могла закончиться и не закончилась. Царя свергли, но главных вопросов не решили. Здесь надо искать ответ на вопрос: была это революция или переворот? Но кто и как мог решить эти насущные вопросы?

В своих тезисах «О задачах пролетариата в данной революции» В. И. Ленин пишет: «Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства» [8. С. 113]. Так видел ситуацию Ленин. Первый этап, второй этап! Революция — это *процесс*. И только как процесс революция может быть понята в своей *внутренней необходимости*. Нерешенные задачи первого этапа формируют задачи второго.

Теперешние историки либеральной ориентации решают задачу «разоблачения» той парадоксальной ситуации, когда задачи буржуазной революции в России в итоге решал пролетариат через Советы с большевиками во главе. И для этого они предлагают отказаться от самой идеи объективных и субъективных предпосылок. Так, в учебнике «История России. XX век» мы читаем: «Попытки целого направления отечественной историографии (с 20-х и вплоть до 80-х гг. включительно) определить “предпосылки” революции можно считать безуспешными. Зависимость между выделяемыми объективными и субъективными “предпосылками”, с одной стороны, и масштабом, глубиной, результатами революции — с другой, выявить так и не удалось. Сама концепция “предпосылок” навязывала вывод о закономерности революции, ее социалистической природе (после Октября), ведущей роли “самого прогрессивного” рабочего класса и т. п.» [3. С. 147].

Отказ от объективных предпосылок Октябрьской революции на деле ведет к признанию ее беспричинной. Причем, отказывая Октябрьской революции в объективных предпосылках, в абсолютную максиму превращают субъективный фактор. Таким образом, благодаря нашей «новой» историографии от вопроса о земле и мире как предпосылках революции мы вновь уходим в область морализаторства о злой воле большевиков и их жажде политической власти. Вместо фактов, этого «хлеба» науки истории, у таких современных историков мы находим абстрактные рассуждения о «мировых противоречиях» предреволюционного периода. Но если абстрагироваться от конкретных фактов, то «доказать» можно все что угодно. А все-таки на факты стоит взглянуть. Так кто же мог довести революцию до ее логического конца? Личности царя в «Истории XX века» уделено место гораздо большее, чем всем «объективным» и «субъективным» предпосылкам революции. Но революция смела царя так, что и не заметила. Может, проблемы мог разрешить Керенский?

Вопрос о земле оставался нерешенным в Российской империи со времен реформ Александра II: крестьяне были освобождены от крепостной зависимости без земли. Земля оставалась у помещиков, которые при-

хватили еще и часть общинной земли. Средний крестьянский надел в Центральной России составлял около десятины. Как жаловались мужики в «Плодах просвещения» великого мужицкого демократа Л. Н. Толстого, «барин смилосердуйся, земля наша малая, курицу некуда выпустить!».

П. А. Столыпин, взявшийся после Революции 1905 г. за решение крестьянского вопроса, не смог осуществить реформы, которые не были поддержаны ни снизу, ни сверху. Сам подход Столыпина «сначала успокоение, потом реформы» был абсолютно реакционным. «Успокоение» означало военно-полевые суды, экзекуции, расстрелы, виселицы. Поэтому Столыпин и остался в памяти народной «столыпинскими галстуками» и «столыпинскими вагонами». И вот теперь тот же самый вопрос встал перед Временным правительством.

Но вопрос о земле оказался тесно связанным с вопросом о мире. Россия оставалась втянутой в империалистическую войну, которую она продолжать не могла, потому что все ресурсы были исчерпаны, армия разваливалась и была уже небоеспособна. Но и выйти из этой войны она не могла в силу международных обязательств и огромных долгов, которые наделало еще царское правительство. Временное правительство приняло на себя все эти обязательства и выдвинуло лозунг «Война до победного конца!».

Хотеть победить тевтонов, конечно, можно. Но как заставить солдат воевать — вот в чем вопрос. А солдаты — те же крестьяне, которые ждали от Временного правительства решения вопроса о земле. Но это правительство могло только обещать решение данного вопроса, откладывая его до созыва Учредительного собрания. В общем, в России завязался такой клубок противоречий, который, как гордиев узел, мог быть разрешен только ударом меча. Иначе говоря, революция должна была вступить в свой *второй этап*. Необходимость второго этапа состояла в том, что либеральное Временное правительство было не способно развязать узел тех противоречий, которые в ходе событий после Февраля только обострялись.

От кризиса к кризису

Предпосылки исторического события сами являются следствием предшествующих событий. Теоретические абстракции сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют никакой ценности. «Они могут пригодиться лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала, наметить последовательность отдельных его слоев. Но, в отличие от философии, эти абстракции отнюдь не дают рецепта или схемы, под которые можно подогнать исторические эпохи» [14. С. 26].

Фактор войны, как уже говорилось, имел решающее значение для победы Октябрьской революции. Русско-японская война 1904 г. дала Революцию 1905 г. Война 1914—1918 гг. дала Октябрьскую социалистическую революцию. И важным этапом здесь стало то, что А. Ф. Керенский, будучи военным министром, вместе с генералитетом затеял в 1917 г. совершенно неподготовленное летнее наступление. Приказ о нем отдал

находившийся в Тернополе сам Керенский. «Вся Россия, — пишет он в своих воспоминаниях, — пребывала в лихорадочном ожидании. Пойдут ли войска вперед? Никто не рискнул бы ответить на этот вопрос» [б. С. 202].

Отдавать приказ о наступлении, не будучи уверенным в том, что войска пойдут вперед, мог только безответственный человек. «По правде сказать, — пишет Керенский, — обстановка в частях 7-й и 11-й армий, которые вели наступление, оставляла желать лучшего. Целые дивизии готовы были взбунтоваться, полки повиновались чисто формально. Одни офицеры вообще игнорировали резолюцию о наступлении, другие открыто саботировали подготовку к боевым действиям» [б. С. 203].

В последние годы, в особенности в связи со 100-летней годовщиной начала Первой мировой войны, много говорят и пишут о победоносной русской армии, у которой «украли» победу. Кто «украл», не совсем понятно: то ли царь со своей камарильей, то ли «большевики». Но вот что можно было прочесть в статье «Перед лицом неминуемой гибели» в газете «Известия Советов рабочих и солдатских депутатов» 13 июля 1917 г.: «Работа безответственных демагогов уже породила свои кровавые плоды на поле сражений. Вражда и замешательства проникли в ряды армии. А силы армии и ее боеспособность развеялись, как призрак... Армия разобщена и надломлена, недосчитывающие бойцов полки бегут от врага... Наши армии отступают; и хуже того — они бегут прочь, обезумевшие от войны. Мы трепещем за судьбу России и революции и исполнены позора» [5. С. 27].

Армия полностью утратила боевой дух и патриотический порыв. «Офицеры и солдаты уже не горели прежним огнем, — признается сам Керенский. — Мы прекрасно понимали, как трудно им сдерживать непривычные переживания перед сражением. Была в них глубокая тревожная душевная сосредоточенность. Люди как бы чувствовали в душе еще незаживающую рану. Офицеры до последней секунды не были уверены, пойдут ли солдаты в атаку. Солдаты, со своей стороны, спрашивали себя, стоит ли идти на смерть, когда дома, в тылу, осуществляются мечты многих поколений крестьян» [б. С. 204].

Керенский имеет в виду земельный вопрос, решить который Временное правительство еще только обещало. И это свидетельство не какого-то «большевика», а человека, заинтересованного в том, чтобы довести войну до победы. Но уже никто, в том числе и сам Керенский, всерьез не верил в эту самую победу. Власть над армией ускользала из рук Временного правительства.

Уже в апреле назрел первый правительственный кризис. Временное правительство было самым демократическим правительством: «Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран» [б. С. 349]. Но свобода — великое благо в обычной жизни — несовместима с войной и военной организацией. Известным Приказом № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 1 марта 1917 г. пунктом 4 предписывалось: «Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат

приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдат. Депутатов» [15. С. 59].

Это решение означало подчинение армии Совету. В Кронштадте отказались принимать комиссара, назначаемого Временным правительством. Центробалт, избранный представителями всех кораблей и частей Балтийского флота, выводил из подчинения Временного правительства Балтийский флот: в Кронштадте, можно сказать, власть была уже Советская.

Это неизбежно должно было вызвать реакцию генералитета, что и последовало в виде так называемого Корниловского мятежа. Временное правительство оказалось между военной диктатурой генерала Л. Г. Корнилова и революционным народом, который только и был способен препятствовать диктаторским поползновениям Корнилова. И революционный народ все больше склонялся на сторону большевиков, которые стали силой, способной дать перевес той или другой стороне.

Одним из следствий Февральской революции стала демократизация армейской жизни, усугубившая ситуацию на фронте. 18 апреля министр иностранных дел П. Н. Милюков обратился с нотой к правительствам союзных держав, в которой заверил их в решимости Временного правительства довести войну до победного конца. Ответом стали массовые антивоенные демонстрации. П. Н. Милюков и тогдашний военный и морской министр А. И. Гучков были вынуждены уйти в отставку.

После длительных переговоров между правительством и Исполкомом Петроградского Совета 5 мая 1917 г. было достигнуто соглашение о коалиционном составе правительства. В него вошли десять министров, представлявших интересы либеральной буржуазии, и шесть министров-социалистов. Лидер эсеров В. М. Чернов получил пост министра земледелия. А. Ф. Керенский переместился в кресло военного и морского министра.

Новое правительство обещало начать переговоры о заключении мира, разработку аграрной реформы, госконтроль над экономикой. Но падение производства продолжалось, ухудшались условия жизни всех слоев населения. Специалисты еще в январе 1917 г. писали: «Продовольственный вопрос запутался безнадежнее прежнего... Разверстка успела... обнаружить свою несостоятельность, а продовольственное дело... превратилось в общеимперскую... катастрофу...» [2. С. 338].

Очередной кризис наступил после неудачного наступления русской армии на Юго-Западном фронте в Галиции. 2 июля 1917 г. подали в отставку министры-кадеты. Поводом послужил «украинский вопрос»: украинское правительство требовало широкой автономии. Кадеты хотели добиться от правительства жестких мер против революционных масс: разоружение рабочих, отправка революционных частей столичного гарнизона на фронт, запрещение левых организаций и т. п. Попытка вывести из столицы на фронт некоторые части вызвала выступление революционных солдат и рабочих некоторых заводов. К ним присоединились матросы Кронштадта.

4 июля 1917 г. в Петрограде состоялась демонстрация, собравшая до 500 тыс. человек. Накануне в некоторых армейских комитетах звучали

призывы к вооруженному свержению Временного правительства, реквизиции предприятий, банков, складов, магазинов. В некоторых районах города была открыта стрельба, появились убитые и раненые. Это было *стихийное* восстание: общих решений относительно вооруженного восстания не было. Восстание было подавлено прибывшими с фронта воинскими частями. Действия Временного правительства поддержал Исполком Петроградского Совета. Советы оказались на стороне контрреволюции. Меньшевики и большевики во главе с Лениным оказались по разные стороны баррикад. Большевиков, которые выступали за прекращение войны, обвинили в получении денег от немецкого генштаба; был отдан приказ об аресте Ленина; большевики перешли на нелегальное положение.

8 июля Временное правительство возглавил А. Ф. Керенский. Двенадцатого числа он, «демократ», ввел смертную казнь на фронте, 18 июля Керенский сместил «либерального» Главнокомандующего А. А. Брусилова, назначив на его место Л. Г. Корнилова. Дело клонилось к диктатуре. Но кто станет диктатором? Претендентами оказались Л. Г. Корнилов и сам А. Ф. Керенский.

Большевики были загнаны в подполье. Но ряды партии стремительно росли. Если к началу Февральской революции численность РСДРП(б) не превышала 24 тыс., то к маю она увеличилась до 100 тыс., а в сентябре насчитывала уже до 350 тыс. человек! На одном только линкоре «Республика» насчитывалось 600 большевиков. Это означало, что могучий корабль оказался в их распоряжении. И все это в результате *мирной* агитации, а не насильственных действий, которые были применены только к небольшой группе офицеров и адмиралу Вирену, не только не подчинившихся общей воле кронштадтцев, но всячески их оскорблявших.

12—15 августа в Москве проходило Государственное совещание, созванное Временным правительством. Совещание призвано было сплотить все силы для того, чтобы победоносно завершить войну. На совещании присутствовали союзники-соперники Керенский и Корнилов. Однако смотр сил выявил глубокие различия. Группа, которая представляла командный состав армии, казачество, крупных промышленников, которых поддерживали зарубежные вкладчики капиталов, высшие слои бюрократии и интеллигенции, либеральных помещиков, требовала сильной власти, дисциплины, защиты интересов бюрократии и собственности. Эти люди считали революцию оконченной, и речь шла только о закреплении тех позиций, которых добилась крупная буржуазия.

Не такой определенной была программа центристской «революционной демократии», к которой относил себя и Керенский. Представители социалистических партий словесную риторику по поводу завоеваний революции не подкрепляли ясной программой очередных преобразований. Большевики на совещании никак не были представлены. Этот факт следует подчеркнуть особо. К осени 1917 г. без участия большевиков в политических кругах созрела идея демократической диктатуры — иначе говоря, *бонапартизма*.

Планы ужесточения политики Временного правительства были связаны с катастрофическим положением на фронте. После инспекции состояния армии на Юго-Западном фронте комиссары М. Филоненко и Б. Савинков (известный террорист-революционер!) направили 11 июля Керенскому следующую телеграмму: «Мы чувствуем себя обязанными своей совестью заявить, какие следует принять меры. Выбора нет: смертная казнь для тех, кто отказывается рисковать своей жизнью за родину, землю и свободу» [5. С. 27]. Комиссары прибыли для воодушевления солдат, но вынесли решение о массовых расстрелах. И Керенский на это согласился: «Я полностью одобряю истинно революционное и в высшей степени правильное решение, принятое Центральным исполнительным комитетом Совета Юго-Западного фронта в этот критический момент» [5. С. 27].

Ему было некуда деваться. Его слова о «великой волне патриотизма» уже звучали откровенной ложью. И здесь нужно привести еще одну телеграмму ему — от командующего 11-й армией генерала Балугева: «Ознакомившись с духом армии, я в ужасе, я потрясен от того, какая опасность и позор ожидают Россию. ...Все высшее командование и офицеры не могут сделать ничего, как принести в жертву свою жизнь. Параграф 14 Декларации (то есть право расстреливать на месте) исполнять нельзя, потому что командир в одиночку противостоит сотням и тысячам вооруженных людей, склонных к побегу... Как верный сын России, посвятивший свою жизнь служению моей стране, я считаю своим долгом заявить правительству, что русская демократия и революция в опасности» [5. С. 27—28].

Итак, новая демократическая власть была уже готова на расстрелы солдат. Но смертная казнь за отказ победоносно воевать уже не срабатывала, потому что расстреливать надо было *сотни* и *тысячи* вооруженных людей. Отношения между офицерским корпусом и рядовыми давно обострились, и уже в феврале 1917 г. в результате демократизации армии не командиры расстреливали солдат, а начались расправы с офицерами, прежде всего с теми, которые мучили и унижали солдат.

Когда уже после Октября меньшевики во главе с Г. В. Плехановым стали кричать о «большевистском терроре», Ленин ответил: «Когда ваш Керенский восстановил смертную казнь на фронте, это не был террор, господа? Когда ваше коалиционное министерство руками Корниловых расстреливало целые полки за недостаточное воодушевление в войне, это не была гражданская война, господа? Когда в одну только минскую тюрьму ваши Керенские и Авксентьевы засадили 3000 солдат за “вредную агитацию”, это не был террор, господа? Когда вы душили *рабочие* газеты, это не был террор, господа?»

Разница только в том, что Керенские, Авксентьевы и Либерданы вкуче и влюбсе с Корниловыми и Савинковыми практиковали террор *против рабочих, солдат и крестьян* в интересах кучки помещиков и банкиров, а Советская власть применяет решительные меры против помещиков, мародеров и их прислужников — *в интересах рабочих, солдат и крестьян*» [10. С. 186].

Керенский, ужесточая порядки на фронте, хотя и шел навстречу генералам, но приписывал им одно только желание свести старые счета. «Все несчастья, катастрофы, позор, ужас первых трех лет войны для них больше не существовали. Первопричину всего этого, в том числе и июльских событий в Петрограде, они склонны были видеть исключительно и единственно в революции и ее влиянии на русского солдата. Зольдау, Варшава, Ковно, Перемышль, Сан, Ковель, Митава и так далее, и так далее — всего этого как будто бы не было никогда... Вино ненависти ко всему новому бросилось в эти старые мудрые головы. Россия и Временное правительство не получили ни совета, ни помощи от военачальников. С другой стороны, здесь в первый раз генерал Деникин обрисовал программу *“реваниша”* — этой “музыки будущего” военной реакции, которая вдохновляла многих и многих сторонников корниловского движения» [5. С. 32]. Это уже из добавлений в протокол его допроса следственной комиссией в октябре 1917 г. в Гатчине, которые были сделаны Керенским десять лет спустя. Понятно, что сказать то же самое тогда, перед лицом следственной комиссии, затеянной генералами, он не мог.

«Я думаю, — писал Керенский, — что Московское совещание доказало, что гипотеза о том, что народные массы могут отойти от Временного правительства, чтобы следовать более правым курсом, была опасной утопией, потому что такие мечты, неспособные привести к результатам, могут лишь вызывать раздражение в массах и усиливать их недоверие к другому сословию» [5. С. 57—58].

Отношение Керенского к «массе» было в целом то же, что и у правой реакции: этого «зверя» надо держать в клетке. Но «масса» не пожелала сидеть в клетке. И потому Керенский посчитал восстание «массы» в октябре 1917 г. «контрреволюционным».

Московское совещание 12—15 августа не привело к единству армии и Временного правительства. «Менее чем через месяц, — пишет Керенский, — сам глава армии подал пример неповиновения по отношению к вышестоящему — высшей правительственной власти. Таким образом, было подтверждено право каждого, кто носил оружие, действовать по своему разумению» [5. С. 89].

«Корниловский мятеж» и роль личности в истории

Если авторитет Временного правительства падал, то росту авторитета большевиков поспособствовал именно генерал Л. Г. Корнилов. «Корниловщина, — скажет потом В. И. Ленин, — и последующие события, как практические уроки, сделали возможной октябрьскую победу» [11. С. 4]. И Керенский не зря уже в Америке пишет целую книгу «Корниловский мятеж».

Сейчас либеральные «политологи» трактуют дело так, что большевики силой пришли к власти за немецкие деньги. Но можно согласиться с Лениным в том, что большевиков привел к власти Корнилов.

26 августа он двинул на Петроград снятый с фронта конный корпус генерала А. М. Крымова, в который входила так называемая «Дикая ди-

визия», набранная из горских народов Кавказа. Его главной целью было усмирить революционно настроенные массы, разогнать Советы и установить военную диктатуру. В ответ в Петрограде были сформированы части Красной гвардии численностью до 60 тыс. человек для защиты столицы. Большевики играли ведущую роль в этом процессе. Керенский, объявивший большевиков вне закона, молча «простил» их за прошлое: они оказались единственной силой, способной организовать отпор контрреволюционному мятежу. Эшелоны, шедшие на Петроград, были остановлены без вооруженной борьбы: войска были распропагандированы и отказались идти на Петроград. Крымов застрелился. Казаки проследовали к себе на Тихий Дон. Но какова во всем этом роль Керенского и Временного правительства?

Вопрос этот остается темным до сих пор. После подавления мятежа Керенский приказал арестовать Корнилова и группу генералов. Они были отправлены в небольшой город Быхов. Но не совсем понятным было положение арестованных. Создавалось впечатление, что их не наказывали, а охраняли от гнева народного. Насколько «сложным» в этой ситуации было положение самого Керенского, говорят его воспоминания, написанные, понятно, в свое оправдание. Он сознавал, что теряет власть, и не мог опереться ни на революционный народ, который все больше склонялся на сторону большевиков, ни на генералитет, который в случае чего смел бы не только «большевиков», но и «демократию» во главе с Керенским. Ведь если бы мятеж Корнилова удался, и мятежники вошли в Петроград, то судьба Керенского оказалась бы незавидной.

Генерал Корнилов был костью в горле Керенского. Тот хотел, чтобы Корнилов с его «Дикой дивизией» прибыл в Петроград и навел «порядок», но понимал, что это будет конец его собственной власти.

Между Корниловым и Керенским существовала плохо скрываемая вражда. Корнилов обзывал членов Временного правительства «германскими агентами». А о самом Керенском отзывался так: «Должен сказать вам, что *я больше не доверяю Керенскому* и Временному правительству. Последнее не имеет силы, чтобы опираться на твердую власть, которая только одна может спасти страну. Что же до Керенского, он не только слабый и нерешительный, но даже *неискренний*» [5. С. 218]. Вместе с тем Керенский характеризует Корнилова практически так же: «Самый мудрый человек не смог бы разгадать загадочное поведение Корнилова» [5. С. 221].

Назначенный вместо Корнилова военным министром генерал А. И. Верховский всем представлялся, как пишет Керенский, «корниловцем». «Кроме того, — замечает он, — из-за некоторой неопределенности в поведении других кандидатов мне буквально не из кого было выбирать, в то время как и справа, и слева выражалось желание видеть на посту военного министра военного» [5. С. 223].

После «Корниловского мятежа» Керенский потерял всякую опору в армии, но обрел «опору» в низах, в которых набирали авторитет большевики. И Керенский уже не мог открыто травить большевиков: за ними были революционные массы, которые спасли его от Корнилова. Кого ему бояться больше, Керенский не знал. «...Авантюра Корнилова, хотя

и обреченная на провал, — писал он, — сыграла роковую роль в судьбе России, поскольку глубоко и болезненно ударила по сознанию народных масс. Это потрясение оказалось тем более сильным, что было неожиданным. Авантюра маленькой группы в воспаленном воображении масс превратилась в заговор всей буржуазии и высших сословий против демократии и рабочих масс. Большевики, которые до 13 августа были бессильны, 7 сентября стали руководителями Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и завоевали там большинство впервые за весь период революции» [5. С. 17—18]. А в другом месте он замечает: «Авантюра Корнилова была прологом к большевистскому государственному перевороту. Если бы не 9 сентября, не было бы и 7 ноября» [5. С. 277].

Керенский определяет мятеж Корнилова как «авантюру», а Октябрьскую революцию как «переворот». Хотя как достаточно трезвый человек он понимает, что в сложившейся ситуации *власть большевиков была неизбежна*. И «социалист» Керенский понимал это почти так же хорошо, как большевик Ленин. «В октябре, — говорил впоследствии Ленин, — было так, что мы точно учли именно *массовые* силы. Мы не только думали, мы твердо *знали*, на основании опыта *массовых* выборов в Советы, что рабочие и солдаты в сентябре и начале октября в громадном большинстве *уже* перешли на нашу сторону. Мы знали хотя бы из голосований на Демократическом совещании, что и в крестьянстве коалиция провалена — значит, наше дело *уже* выиграло» [9. С. 349]. Уже до Октября! А нам продолжают твердить: большевистский переворот. Но он лишь поставил точку после периода постепенного перехода власти от Временного правительства к Советам.

«В результате военных неудач, — констатировал Керенский, — в руках у руководителей вспыхнувшего в сентябре Корниловского мятежа оказалась армия, настроенная против Временного правительства» [5. С. 207]. Но в итоге она оказалась в руках... большевиков. И большевики в этих условиях были просто *обязаны* взять власть. Об этом Ленин и писал в своем письме Центральному комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б) от 12—14 сентября: «Получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, — отмечал он, — большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки» [13. С. 239]. Должны, потому что отказ от власти в этих условиях означал бы из-за слабости Керенского добровольную отдачу власти в руки реакционных генералов.

Керенский пытался занять позицию, которая устраивала бы и правых, и левых. Но именно поэтому она не устраивала ни тех, ни других. «Мне трудно, — жаловался Керенский, — потому что я борюсь с большевиками левыми и большевиками правыми, а от меня требуют, чтобы я опирался на тех и на других... Я хочу идти посередине, а мне не помогают» [17. С. 54]. Но, как заметил один из классиков, самая гнусная партия — это партия середины. «Середина» была обречена.

Кстати, правительство обещало 17 сентября созвать Учредительное собрание. Но обстоятельства складывались так, что оно не смогло со-

стояться ни в сентябре, ни в октябре, а открылось только в январе 1918 г., когда проблемы мира и земли, которые оно было призвано решать, уже оказались решены II съездом Советов 26 октября 1917 г.

Кульминация революции: «штурм» Зимнего дворца и II съезд Советов

«Октябрьский переворот (24—25 октября), — пишут авторы учебника “История России. XX век”, — был осуществлен в Петрограде как по нотам» [3. С. 171].

Штурм Зимнего дворца, где размещалось Временное правительство, показанный в фильме С. Эйзенштейна, — театрализованное представление. Со стороны большевиков и Военно-революционного комитета, как докладывал Н. И. Подвойский, было «вооруженной силы достаточно». «Вокзалы, телефоны, телеграф — наши. На их стороне — батальон. Есть артиллерия. Нейтральные: 1, 4, 14-й казачьи полки, инженерный полк. Павловское училище, Михайловское артиллерийское училище, кавалерийские полки, артиллерийская кавалерийская бригада, Инженерное училище, самокатный батальон, автомобильная школа, один автобронеотряд, Семеновский полк, измайловцы. Кажется, все существенные. Есть еще мелкие команды, да они не в счет» [18. С. 268].

Вот как характеризует ситуацию один из руководителей Военной организации при ЦК и ПК РСДРП(б), депутат Петроградского Совета А. Ф. Ильин-Женевский: «На вызов Временного правительства явились лишь ничтожные кучки юнкеров... Было очевидно, что весь петроградский гарнизон стоит на стороне Петроградского Совета. ...Я составил себе такую картину количества войск, прибывших к Зимнему дворцу на защиту Временного правительства:

Два отделения Михайловского военного училища;
700 человек юнкеров Петергофской школы прапорщиков;
300 человек Ораниенбаумской школы прапорщиков;
Три роты (около 500 человек) Гатчинской школы прапорщиков;
200 человек ударного женского батальона;
200 человек казаков.

Всего... около двух тысяч человек... Дальше ждать было бы смешно, и Петроградский Совет приступил к... свержению Временного правительства и захвату власти» [18. С. 226].

Солдат, посланный на разведку, доложил, что «все обстоит благополучно, части, находящиеся в Зимнем дворце, постепенно сдаются». И так же «сдался» женский ударный батальон [18. С. 226].

Смешно было ждать! Но еще «смешнее» выглядела позиция Г. В. Плеханова, который уже после взятия власти Петроградским Советом написал открытое письмо петроградским рабочим о том, что напрасно они взяли власть! А как ее не брать, если она сама дается тебе в руки? Большевики были «обречены» на то, чтобы взять власть. И свою обреченность понимал сам Керенский. Власть уже *фактически* была в руках восставшего народа. И речь шла только о *формальной* передаче, что и было сделано

в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. Эта передача прошла бы совершенно бескровно, если бы Временное правительство приняло ультиматум РВС и дало распоряжение «защитникам» Зимнего прекратить всякое сопротивление. Но его и так почти не было.

И гораздо больше крови пролилось бы, если бы делегаты II съезда Советов последовали призыву одного из лидеров меньшевиков Ю. О. Мартова. Вот как пишет об этом очевидец: «Истеричным, хриплым голосом он начал всячески поносить большевиков, называя революционные действия пролетариата “тайным заговором” и предлагая восставшим рабочим и солдатам образумиться, пока еще не поздно. Он призывал делегатов пойти на улицы Петрограда и уговорить восставших разойтись по домам» [18. С. 313].

Власть уже *фактически* была в руках восставшего народа. И речь шла только о *формальной* передаче, что и было сделано в ночь с 25 на 26 октября 1917 г.

Меньшевики покинули II съезд Советов. Это было поражение. «Мы ушли, — писал в своих “Записках о революции” меньшевик Н. Н. Суханов, — неизвестно куда и зачем, разорвав с Советом, смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и унизив себя в глазах масс, подорвав все будущее своей организации и своих принципов. Этого мало, мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции» [16. С. 343].

Ю. О. Мартов и Г. В. Плеханов не осознавали, что дело миром уже не может кончиться. И если бы даже восставшие поддались уговорам и разошлись по домам, то стоявший под Гатчиной генерал П. Н. Краснов быстро оказался бы в Питере и навел там такой «порядок», что Нева и каналы Северной Пальмиры окрасились бы кровью. И тут прав тот наш современник, который сказал: если драка неизбежна, то бить нужно первым.

Плеханов и меньшевики так и не поднялись до осознания той, по словам Ленина, «революционной диалектики», когда продолжить демократические преобразования могла уже *только* пролетарская революция. Защитниками Временного правительства оказались только юнкера, которые были арестованы, а потом отпущены домой под честное слово, что больше не полезут в эту кутерьму. В конце концов несколько матросов и красногвардейцев во главе с членом «Полевого штаба ВРК» В. А. Антоновым-Овсеенко вошли во дворец и арестовали министров Временного правительства, которых отправили в Петропавловскую крепость, а затем тоже отпустили домой под честное слово.

Народ, а потом, как выяснилось, и армия, оказались не на стороне Временного правительства. Когда речь заходит о людских потерях при штурме Зимнего дворца, то называют обычно 6 человек погибших. И это подтверждает, что не было военного переворота, а имел место один из этапов в ходе революции. И конечно, это не было случайностью.

Революция после Октября

Взятие власти Советами, как уже было сказано, явилось чисто формальным актом, поскольку народ оказался не на стороне Временного правительства. Но была еще армия, которая еле-еле удерживала фронт против немцев. И Керенский бросился на арендованном у американского посла автомобиле (не нашлось даже своего автомобиля) навстречу армии, от которой он ждал спасения. Что касается переодевания в женское платье, то это, конечно, поэтическое преувеличение; но переодевание все-таки было: «Мне было предложено переодеться в матросский бушлат, бескозырку, надеть шоферские очки. Бушлат оказался коротким, слишком маленькая бескозырка едва держалась на макушке. Я считал подобный маскарад нелепым, опасным, но делать было нечего. У меня оказалось несколько минут» [б. С. 362].

Это случилось в Гатчине, которая оказалась в руках революционных солдат и матросов. И Керенский с небольшой свитой остался запертым в гатчинском дворце. «Даже угроза неотвратимой опасности, — как писал он спустя десять лет, — не заставила нас сплотиться... Казаки непрерывно злились на офицеров, обрекающих их на неизбежную гибель; офицеры под злобным натиском симпатизировавших большевикам солдат и собственных казаков... задумывались, какой ценой придется заплатить за спасение собственной жизни, если большевики возьмут Гатчину. Казаки искренне верили, что их предали, видя задержку с прибытием подкрепления. Офицеры не видели необходимости скрывать ненависть ко мне, чувствуя, что я уже не в состоянии уберечь их от озлобленного народа» [б. С. 358—359].

А утром 14 ноября прибыли казаки-парламентеры во главе с П. Е. Дыбенко. «Матросы требуют выдачи большевикам Керенского без всяких условий. Казаки готовы согласиться» [б. С. 359]. И они согласились: «Казаки купили свободу и право вернуться домой с оружием ценой одной человеческой головы» [б. С. 361]. Вот тогда-то и явились, как пишет Керенский, «два неизвестных мне человека, солдат и матрос», которые и предложили ему переодеться. От матросов он бежал, теперь матросы его спасали. Но это и говорит о том, что главной и решающей фигурой всей революции был революционный матрос, а не генералы и не адмирал Колчак.

Керенский бежал из Гатчины в сторону Луги. Но это не был конец революции. И Ленин прекрасно понимал, что победа Октябрьской революции не окончательна и не бесповоротна. И главное, будет ли поддержана революция в России «мировой» революцией, которая явно

задерживалась. Да и революция в России не завершилась Октябрем. Оставался еще один возможный центр власти — Учредительное собрание, которое Временное правительство так и не смогло созвать. И оно было созвано 5 января 1918 г. А в ночь с 5 на 6 января, в 5 часов утра, прекратило заседание.

Большевиков обвиняют в том, что они «разогнали» Учредительное собрание. Ленин выдал на этот счет следующее предписание: «Предписывается товарищам солдатам и матросам, несущим караульную службу в стенах Таврического дворца, не допускать никаких насилий по отношению к контрреволюционной части Учредительного собрания и, свободно выпуская всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особых приказов» [12. С. 477—478].

Учредительное собрание имело в себе *контрреволюционную* часть. И было бы странно, если бы революция допустила рядом с собой контрреволюцию. На заседании 5 января фракцией большевиков была зачитана декларация, в которой Учредительному собранию было предложено признать власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и те декреты, которые были приняты II съездом Советов. Правозэсеровская и меньшевистская часть собрания уклонилась от такого признания, после чего большевики и левые эсеры покинули собрание.

В принятой ими декларации было сказано: «Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания» [7. С. 228]. Было заявлено также: «Учредительное собрание в его нынешнем составе явилось результатом того соотношения сил, которое сложилось до Великой Октябрьской революции. Нынешнее контрреволюционное большинство Учредительного собрания, избранное по устаревшим партийным спискам, выражает вчерашний день революции и пытается встать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению» [7. С. 227].

В партии эсеров уже после выборов произошел раскол на правых и левых, и левые эсеры вошли в состав правительства. А правые эсеры перешли в лагерь контрреволюции. И если бы Учредительное собрание осталось в том составе, в каком оно было созвано, то после ухода большевиков и левых эсеров это был бы, по сути, возврат к двоевластию до-октябрьского периода. И не случайно 3(16) января было принято постановление ВЦИК, в котором говорилось, что «всякая попытка со стороны какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема как контрреволюционное действие» [7. С. 226].

После роспуска Учредительного собрания власть окончательно перешла к Советам. «Народ, — говорил Ленин, — хотел созвать Учредительное собрание — и мы созвали его. Но он сейчас же почувствовал, что из себя представляет это пресловутое Учредительное собрание. И теперь мы исполнили волю народа, ...которая гласит: вся власть Советам» [7. С. 241].

«Демократы» и «социалисты» распущенного Учредительного собрания откочевали в Самару и там конституировались как Комитет Учредительного собрания (КОМУЧ). Как и Керенский в октябре—ноябре 1917 г., они попытались спрятаться под крылышком белых генералов. Члены Комитета Учредительного собрания, бежавшие к «омскому правителю», были перебиты офицерами во время восстания рабочих в Омске в декабре 1918 г.

Вот как описывает эти события военный специалист и историк Н. Е. Какурин. «Чернов и некоторые другие члены Учредительного собрания были арестованы. Чернов был освобожден вскоре чехами; ему вместе с некоторыми товарищами удалось бежать, и они были великодушно приняты Советским правительством на его территории, за что вскоре отплатили ему новыми интригами и заговорами; прочих же арестованных и доставленных в Омск членов Учредительного собрания постигла более печальная участь: заключенные в омскую тюрьму, они были самочинно там убиты офицерским отрядом во время восстания рабочих в Омске зимою 1918 г.» [4. С. 58—59].

Такова была *общая* судьба довольно многочисленных «демократических» правительств, которые возникали на разных территориях. Их или истребляли белые генералы, а в особенности — белые атаманы типа Дутова, Калмыкова, Семенова; или они служили ширмой генеральским диктатурам, поскольку генералы уже поняли, что им надо выглядеть хотя бы немножко «демократами».

«Демократию» прокламировал «верховный правитель России» адмирал Колчак, который заявил представителям прессы 28 ноября 1918 г., что «государства наших дней могут жить и развиваться только на прочном демократическом основании» [4. С. 59]. Понятно, что нынешние «демократы» изображают адмирала Колчака таким рыцарем без страха и упрека. Но что творилось под сенью его «демократии»? Гражданский администратор его правительства писал: «Незаконность действий, расправа без суда, порка даже женщин, смерть арестованных “при побеге”, аресты по доносам, передача гражданских дел военным властям, преследование по кляузам и проидам, — когда это проявляется на гражданском населении, — начальник края может быть только свидетелем происходящего. Мне не известно еще ни одного случая привлечения к ответственности военного, виновного в перечисленном, а *гражданских лиц* сажают в тюрьму по одному наговору» [4. С. 61].

Главной социальной базой диктатуры Колчака в Сибири могли быть только сибирские крестьяне, но именно с ними он боролся карательными экспедициями: «Крестьян секли, обирали, оскорбляли их... достоинство, разоряли. Среди ста наказанных и обиженных попадался, может быть, один виновный. Но после проезда экспедиции врагами омского правительства становились все поголовно» [4. С. 61].

Насколько порка была в России универсальным методом «демократического» правления, говорит любопытный факт: у атамана Семенова на его штабном вагоне было начертано предупреждение: «БЕЗ ДОКЛАДА НЕ ВХОДИТЬ, А ТО ВЫПОРЮ». Пороли всех: стариков, женщин,

детей и прочего звания людей. «В городах происходили дикие расправы с представителями демократии и интеллигенции социалистического направления; так, в Канске один из участников переворота 18 ноября повесил на площади городского голову» [4. С. 61].

Не отставал от Колчака и Деникин. Какурин цитирует Г. К. Гинса: «Пьянство, порки, погромы составляли бытовое явление» [4. С. 78]. Видный деятель деникинского правительства К. Н. Соколов пишет: «Правилом было беспрепятственное и систематическое ограбление жителей, в котором принимали участие лица разных рангов и положений» [4. С. 78].

А вот что творилось у Юденича, у которого этими делами заправлял дезертировавший из Красной армии Булак-Балахович. Здесь Какурин цитирует работу М. С. Маргулиса «Год интервенции»: «Людей вешали днем в центре города на фонарях, причем адъютант Балаховича предлагал казнимым самим вешаться. «Вереницы повешенных украшали все улицы города; на некоторых столбах висело по три человека. В конце концов против белого террора в городе восстали представители союзников, и тогда Балахович перенес место своих казней за город» [4. С. 81].

Белое движение настроило против себя крестьянство, которое одно могло быть его социальной базой. Н. Махно так потрепал тылы Добровольческой армии, что красным там уже делать было нечего: армия была обречена. И то же самое произошло с Колчаком, армию которого истребили сибирские мужики еще до прихода Красной армии. «Основными движущими силами в гражданской войне, — пишет Какурин, — явились пролетариат, буржуазия и крестьянство. Последний слой являлся колеблющимся элементом громадного удельного веса, бросавшимся из одной стороны в другую и в... итоге определявшим собою окончательное соотношение сил обеих сторон» [4. С. 46]. Репрессии белых генералов и их «правительств» толкала крестьянство на сторону революции.

А вот что пишет о своих «подвигах» brave генерал Врангель, к которому на службу в Крым побежал «демократ» и «легальный марксист» П. Б. Струве: «Я решил сделать опыт укомплектования пластунов захваченными нами пленными. Выделив из их среды весь начальствующий элемент, вплоть до отделенных командиров, в числе 370 человек, я приказал их тут же расстрелять. Затем объявил остальным, что и они достойны были бы этой участи, но что ответственность я возлагаю на тех, кто вел их против своей родины, что я хочу дать им возможность загладить свой грех и доказать, что они верные сыны отечества» [1. С. 104–105].

370 душ! Так просто и буднично! Нынешние поклонники убийц русского народа скажут: что делать, война есть война. Но война-то с обеих сторон. И зачем тогда красных уличать в «зверствах» по отношению к белым. И пускай они приведут хотя бы один такой случай, когда были бы расстреляны сотни простых русских людей. Вот и отлилось им, этим «утомленным солнцем» в Крыму, откуда бежал барон Врангель, бросив на произвол судьбы своих офицеров, которым мест на пароходах не хватило.

И после этого нас уверяют, что «большевики» взяли власть *насилом*! О «большевиках» приходится говорить условно, потому что в Иркутске в самом начале 1920 г. к власти пришел «политический центр», состоявший в основном из эсеров, который и предал суду адмирала Колчака. Ему вменялось в основном то, что он попустительствовал убийцам членов Учредительного собрания и своих политических противников. Колчак был расстрелян еще до прихода собственно большевиков.

* * *

Керенский говорит о «демократии», которую он противопоставляет «большевикам»; но эта буржуазная демократия оказалась никому не нужна. Вопрос стоял так: или диктатура генералов, или «Вся власть Советам!». Меньшевики с эсерами объективно оказались на стороне контрреволюции. И здесь Плеханов перестал быть марксистом. Не зря Ленин стал уже с апреля 1917 г. называть его не «товарищем», а «господином».

«Если мы так легко побеждали наших калединцев, — говорил Ленин, — и создали Советскую республику при сопротивлении, не заслуживающем даже серьезного внимания, то такой ход событий предрешен был всем объективным предыдущим развитием, так что оставалось сказать только последнее слово, сменить вывеску, вместо “Совет существует как организация профессиональная” написать: “Совет есть единственная форма государственной власти”, — то совсем не так обстояло дело в отношении задач организационных» [11. С. 7].

Впереди был тяжело давшийся Брестский мир. Началась муниципализация и раздача земли крестьянам. В промышленности усиливался народный контроль. Элементы госкапитализма, по сути, совпадали с социалистическими мероприятиями. Ситуация, однако, оставалась открытой, и о ней нужно говорить отдельно.

Литература

1. Бароны Врангели. Воспоминания. М. : Центрполиграф, 2006.
2. Белоусов Р. А. Экономическая история России XX века : в 4 кн. М. : ИздАТ, 1999. Книга первая: На рубеже двух столетий.
3. История России. XX век. М. : АСТ, 1998.
4. Какурин Н. Е. Как сражалась революция : в 2 т. М. : Политиздат, 1990. Т. 1: 1917—1918 гг.
5. Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. М. : Центрполиграф, 2006.
6. Керенский А. Ф. Русская революция, 1917. М. : Центрполиграф, 2005.
7. Ленин В. И. Декларация фракции РСДРП (большевиков), оглашенная на заседании Учредительного собрания 5 (18) января 1918 г. // **Он же**. Полное собрание сочинение. Т. 35. М. : Политиздат, 1974.
8. Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции // **Он же**. Полное собрание сочинений. Т. 31. М. : Политиздат, 1969.
9. Ленин В. И. О революционной фразе // **Он же**. Полное собрание сочинение. Т. 35. М. : Политиздат, 1974.

10. **Ленин В. И.** Плеханов о терроре // **Он же.** Полное собрание сочинение. Т. 35. М. : Политиздат, 1974.
11. **Ленин В. И.** Политический отчет Центрального Комитета 7 марта // **Он же.** Полное собрание сочинение. Т. 36. М. : Политиздат, 1974.
12. **Ленин В. И.** Примечания // **Он же.** Полное собрание сочинение. Т. 35. М. : Политиздат, 1974.
13. **Ленин Н.** Большевики должны взять власть! (Письмо Центральному комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП) // **Он же.** Полное собрание сочинений. Т. 34. М. : Политиздат, 1969.
14. **Маркс К., Энгельс Ф.** Немецкая идеология. Том I // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Т. 3. М. : Политиздат, 1955.
15. **Ненароков А. П.** 1917. Краткая история, документы, фотографии. М. : Политиздат, 1987.
16. **Суханов Н. Н.** Записки о революции : в 3 т. М. : Республика, 1992. Т. 3.
17. Энциклопедический словарь юного историка: Отечественная история. М. : Педагогика-Пресс, 1998.
18. Это есть наш последний и решительный бой! : в 2 кн. М. : Политиздат, 1987. Кн. 2. ◆